

Дмитрий
КИСЕЛЁВ
(Россия) VS Николай
ЗЛОБИН
(США)

Дмитрий
КИСЕЛЁВ
(Россия) **VS** Николай
ЗЛОБИН
(США)

БИТВА
ЗА ГЛУБОКО ЛИЧНОЕ
BATTLE



Москва
2019

УДК 070
ББК 76.032
К44

Художественное оформление *Глеба Киселёва*

Фотографии на обложке и суперобложке:

© Григорий Сысоев / МИА «Россия сегодня»

Литературный редактор *Анастасия Никитина*

Киселёв, Дмитрий Константинович.

К44 Киселёв vs Zlobin. Битва за глубоко личное / Дмитрий Киселёв, Николай Злобин. — Москва : Эксмо, 2019. — 448 с.

ISBN 978-5-04-097159-6

Очень яркие представители двух диаметрально противоположных политических позиций: российский журналист, автор и ведущий самой рейтинговой и влиятельной в России информационно-аналитической программы «Вести недели» на телеканале «Россия-1» (премия ТЭФИ за 2015 и 2017 гг.), гендиректор МИА «Россия сегодня» Дмитрий Киселёв и американский политолог, публицист, автор множества аналитических бестселлеров и учебников, изданных в десятках стран мира, президент Центра глобальных интересов (Вашингтон, США) Николай Злобин схлестнулись на страницах этой книги в жёстком споре по самым актуальным проблемам современного миропорядка.

Их спор отражает нынешнее острейшее противостояние России и США.

- За кем правда?
- За кем будущее?
- За кем, Россией или США, пойдёт мир?

Сможем ли мы избежать глобальной катастрофы, новой мировой войны? Иными словами, кто именно предлагает сегодня новую эффективную модель будущего для планеты? Возможна ли она вообще?

Яростный спор Киселёва и Злобина не оставит никого равнодушными. Читателю придётся думать, выбирать, критически оценивать аргументы сторон. То есть, быть в эпицентре острейших дискуссий, которые идут сегодня в политической элите мира. Кто выиграл в этом споре двух влиятельных политических интеллектуалов? Ответ каждый прочитавший эту книгу определит для себя сам.

УДК 070
ББК 76.032

© Киселёв Д., 2019

© Злобин Н., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-097159-6

Содержание

Предисловие	6
Беседа первая. О демократической журналистике и государственной пропаганде	8
Беседа вторая. Об информационной политике и административном ресурсе	47
Беседа третья. О сердцах геев и правах меньшинств	96
Беседа четвертая. О низовой демократии и полицейском произволе	142
Беседа пятая. О многополярном мире и ядерном паритете	195
Беседа шестая. Об имидже России и нерушимости границ	241
Беседа седьмая. О национальном эгоизме и свободе по-русски	278
Беседа восьмая. О политических эмигрантах и либеральном вызове	321
Беседа девятая. О чиновничьей коррупции и предвыборных обещаниях.	367
Беседа десятая. О властной вертикали и вселенской справедливости	397
Послесловие	438

Предисловие

У нас в квартире завелись клопы. Откуда взялись — непонятно. Но вот приключилось такое. Собрались травить. Срочно вызвали профессионалов из специальной службы. И как раз в момент, когда те облачились в комбинезоны и респираторы, а я собрался покидать зараженную территорию, в дверь позвонили... Тут я вспомнил, что неделю назад ровно на это время приглашал к себе для обсуждения будущей книги американского политолога Николая Злобина, а за всей этой суетой запамятовал.

Уважаемый человек. Профессор американских университетов. Возвышенная личность... А тут у меня дома люди вроде как «Новичок» ищут!.. По крайней мере выглядят именно так. Да хоть бы и «Новичок» — оно как-то солиднее. А то, стыдно сказать, прозаично клопов травят...

Делать нечего. Открываю. Стоит Николай. Впервые у нас дома. Рад встрече. Как всегда, приветлив и улыбчив. Провожу его в дальнюю комнату. Закрываю за собой дверь и иду как на заклятие: «Коля, у нас клопы завелись...» Он такой весь душистый, из глянцевого Америки, а у меня вот — клопы... Вообще-то, конечно, ничего страшного. Дело житейское. Но все равно... Как-то не очень.

Коля лишь расхохотался. И тут же стал рассказывать про клопов, да столь увлеченно и с таким знанием дела! Проявляя исключительную осведомлен-

ность в деталях и приводя американские примеры. Где живут. Как размножаются. Про самок и самцов. Как кусают. Как их травить. Как они потом выживают. И как их травить повторно. У меня даже сложилось впечатление, что вся Америка от этих клопов стонет. Во всяком случае, они там уж точно не экзотика, а у Николая есть и свой личный опыт.

Сразу полегчало. Он — американец, я — русский, а по сути — просто люди, способные мгновенно находить чистосердечный контакт, тем более если речь идет о чем-то очень близком каждому из нас. Тут я понял, что книжка получится. Важно лишь сохранить эту вспыхнувшую искренность. И есть ощущение, что как раз искренность нам сохранить удалось. Что из этого получилось — судить вам. Книга в ваших руках.

А тех клопов я, конечно, извел. Хотя до сих пор сохраняю к ним благодарное чувство.

Дмитрий Киселёв

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

О демократической журналистике и государственной пропаганде

Злобин: Давай начнем с самого важного. Я тебе сейчас одну вещь скажу, только ты не обижайся — ничего личного. Ты — главный телевизионный пропагандист режима Владимира Путина. Это, по моему, более чем очевидный факт. При этом я хорошо помню время, когда ты был демократическим журналистом. Что случилось? Когда Дмитрий Киселёв был настоящим Киселёвым? Когда он был вполне демократическим журналистом в России, когда он работал на Украине или сейчас, когда он стал главным рупором кремлевской пропаганды? Как объяснить такую эволюцию? Что с тобой произошло? Что повлияло — осознание каких-то жизненных реалий, или, как некоторые считают, большие деньги, или желание быть в телевизоре и формировать широкие общественные настроения, или что-то еще? Ведь не только я — многие помнят тебя как выдающегося демократического журналиста, который в свое время очень здорово отстаивал демократические ценности. Украинцы помнят тебя как человека, который работал у них в стране и проводил, как они считают, достаточно адекватную информационную линию. И потом вдруг такое резкое изменение. Как это объяснить?

Киселёв: Ну, надо сказать, мне странно слышать, что я главный пропагандист режима Путина. Скорее это западная «обзывалка», именно что пропагандистский штамп, вроде как позволяющий уходить в сторону от обсуждения содержания моих текстов. Обозвать же проще, чем полемизировать. Да и вообще никто толком не знает, что такое пропаганда. Лучшее определение дал однажды один мой коллега из британской ВВС: «Пропаганда — это когда мне не нравится то, что ты говоришь».

Знаешь, я никогда не стремился быть чьим-то рупором. Я просто журналист с большим опытом, который работал, как говорится, при всех режимах, поэтому могу оценить и сравнить условия как тогда, так и сейчас. И я могу сказать, что всегда был искренен и говорил то, что думаю и так, как считаю нужным. Всегда стремился мыслить самостоятельно. И даже странно, что меня прошлого ты за это ценил, а меня нынешнего за ту же самостоятельность мышления уже не считаешь демократическим журналистом. Наверное, это потому, что на Западе демократами считают лишь тех, кто поливает Кремль грязью. Все остальные демократами считаться недостойны.

Что касается эволюции, то каждый человек, безусловно, ее проходит. Известно высказывание Черчилля про то, что если вы в молодости не были либералом, то у вас нет сердца, а если в зрелости вы не стали консерватором, то у вас нет ума. С тонкой самоиронией то же самое сформулировал Марк Твен: «Когда мне было четырнадцать, мой отец был так глуп, что я с трудом переносил его; но когда мне исполнился двадцать один год, я был изумлен, насколько этот старый человек поумнел за последние семь лет». То есть мы видим, что эволюция челове-

ческой личности — это абсолютно нормально, более того, если человек не подвержен персональной эволюции, это выглядит подозрительно. Все равно что на бог знает каком десятке лет одеваться так же, как во времена своей молодости. Есть такие старички, которые ходят в джинсах клёш и слушают все тот же рок-н-ролл. Но, помимо всего прочего, мне всегда хотелось участвовать в формировании своей страны. И мое профессиональное счастье, что мне это удавалось в самые разные периоды — быть фактором влияния на общественное мнение. Как тогда, когда ты помнишь меня так называемым демократическим журналистом, так и сейчас, когда ты считаешь меня «неадекватным». Но как тогда, так и сейчас я за демократический уклад в нашей стране, против неоправданного насилия, за общественную гармонию и сильную Россию.

Злобин: Зачем же ты тогда уехал работать на Украину? Отстаивал бы демократический выбор России внутри страны, боролся бы с попытками ограничить свободу слова, сузить политический ландшафт, существовавший в те годы в России. Мне кажется, что это были годы выбора, который не все сразу увидели и почувствовали. Но ты-то с высоты своей вовлеченности и своей информированности не мог не понимать, куда двинулась страна! Что произошло с тобой на Украине?

Киселёв: Я на Украину поехал именно для этого. Когда президент Леонид Кучма в 2000 году объявил европейский выбор Украины, это меня очень воодушевило. Я, как и многие, был в те годы буквально очарован Европой, исколесил ее всю, когда делал программу «Окно в Европу» — кстати, на ее съемки мы тогда выиграли грант Евросоюза для нашей производящей компании. Программа была очень вни-

кающая, не политическая, а, скажем так, ценностная, мировоззренческая. Мы очень много снимали везде, даже в английскую армию попали. В то время я накручивал по Европе за рулем по сто тысяч километров в год — реальная репортерская история. И вот я поехал на Украину, думал: отлично, сейчас мы Украину двинем в Европу, создадим гравитацию для России, и, таким образом, — паровозиком — Россия и Украина окажутся в дружной европейской семье народов. Романтичная была идея...

Но потом я увидел, что реально творилось, осознал весь кошмар «оранжевой революции», весь цинизм украинской прессы... Ведь как сейчас, так и тогда не было на Украине ни одной серьезной ежедневной газеты. В России — есть. В Польше — есть. А вот между ними — на Украине — нет! Парадокс. Нечего было в руки даже взять и почитать. Вся пресса — желтая. В сети — то же самое. Журналистика как тогда, так и сейчас путается, смешивается с так называемым пиаром. Газетки, сетевые ресурсы и телеканалы поделены были между олигархами, впрочем, как и политические партии в Верховной Раде. Как приехал в Киев, так мне тут же рассказали анекдот — мол, чем отличаются украинские олигархи от российских? Тем, что у украинских нет денег. Доля шуток тут есть. Но при этом Киев, похоже, занимал первое место в мире по числу «шестисотых» мерседесов... Тогда было так.

Но олигархи не могли объединиться, сформулировать общенациональные интересы и действовать сообща во имя их. Просто дербанили страну, рвали ее по кускам, толпу при этом толкали орать про свободу, Европу и независимость. А сами все думали, к кому выгоднее прислониться — к России или к Западу. Россию пугали Западом, Запад — Россией...

А дальше — вся эта ложь с «отравлением» Ющенко. На Россию тогда пальцем указывали, а потом выяснилось, что никакого диоксина в крови Ющенко так и не нашли. Подлог это был. Лицо Ющенко распухло и пошло буграми после неудачных экспериментов с косметическими процедурами, нарушения режима, диеты и дико неграмотного врачевания стволовыми клетками. Ющенко до сих пор боится сдать процессуально корректный анализ крови. Но тогда — в 2004-м — обвинение России в «отравлении» кандидата в президенты от «оранжевых» помогло взвинтить толпу, Запад старался изо всех сил, и Ющенко, хотя и в неконституционном «третьем» туре выборов, но чудом победил.

Тут же вскрылась еще одна его ложь. Оказывается, пост премьер-министра Ющенко тайно пообещал двоим — и Петру Порошенко, и Юлии Тимошенко. А когда он решил все же назначить премьером Порошенко, Юлия Владимировна заявила, что у нее от Ющенко есть письменное обязательство. Скандал! Кабмин возглавила Тимошенко. А уже весной 2005-го в «оранжевом» правительстве разразился первый коррупционный скандал. В незаконных махинациях с нефтью уличили жену министра юстиции Романа Зварыча. Позже и сам Зварыч попался на том, что диплом о высшем образовании у него фальшивый. То есть они там изначально все обманывали друг друга. Неудивительно, что по скорости падения рейтинга Ющенко стал чемпионом мира. Уже к лету он разочаровал и Запад, и даже тех, кто еще зимой стоял за него на майдане...

И вот, наблюдая все это изнутри, уже спустя полгода я спрашивал своих молодых коллег-журналистов в Киеве: «А что вы делали на майдане? Зачем?» А они в ответ: «Да прикольно же там было! Палат-

ки, бесплатные презервативы раздавали, секс, концерты на сцене и бутерброды... Да и за свободу же!» Вот и «прикололись». Для меня же стало очевидным, что весь этот туман «оранжевой революции» и ложь, ей сопутствующая, нужны были не для того, чтобы Украина жила в соответствии с европейскими ценностями, а лишь для того, чтобы сравнить Украину и Россию. Подогреть украинский национализм. Украина при этом превращалась лишь в расходный материал в противостоянии с Россией. То есть провозглашалось одно, а на практике было другое.

Злобин: Я понял. Я, кстати, знаю и некоторые другие страны, где провозглашается одно, но на практике делается совсем другое. Мы еще поговорим об этом. Пока вернемся к Украине. Ведь у тебя там была рейтинговая программа, огромное влияние в стране. Почему ты не пытался противостоять? Предлагать альтернативы, инициировать общественные дискуссии. У тебя был огромный административный ресурс и высокорейтинговый эфир. Кроме того, ты мог пользоваться возможностями российских СМИ, которые свободно распространялись на Украине. Ты же выбрал другой путь...

Киселёв: Ну что ты, я, конечно, пытался этому противостоять. Действительно, по американским оценкам я два года входил в сотню самых влиятельных людей Украины, мне даже сертификаты такие выдавали. Для русского журналиста, приехавшего на Украину, это вообще крутая история. Собственно, я был первым и какое-то время единственным российским журналистом, приехавшим туда работать задолго и до моего однофамильца — Евгения Киселёва, и до Савика Шустера. Шустер приехал, когда я уезжал. С собой на Украину я пригласил Вячеслава Флярковского. Слава год поработал и уехал. А я

там был с 2000 по начало 2006 года. И успешно — в 2003 году выиграл высшую телевизионную премию Украины «Телетриумф» (аналог нашей ТЭФИ), а до этого удостоился высшей журналистской награды Украины «Золотое перо». И, конечно, горжусь этими профессиональными достижениями.

Разумеется, я говорил и своим коллегам, и в украинский эфир, что в Европу нельзя вступить, но Европой можно стать. Будучи основателем и первым главным редактором новостной службы телеканала ICTV, я отстаивал здоровые журналистские стандарты и понятие общенациональных интересов Украины как поликультурного государства. Но возможности любого человека на Земле ограничены, а телевидение по-любому не управляет страной. Случилось то, что случилось.

И когда я увидел, что экономика Украины разваливается, что весь этот «европейский выбор» и все красивые слова оказались абсолютно пустым звуком, когда понял, чем там занимался Запад, — конечно, все это стало для меня, как говорят психологи, инсайтом — озарением. В Россию уже вернулся, как с поля боя — образно говоря, с перебинтованными ранами и в пластырях крестами. Вот это стало очень серьезной прививкой против всяческих псевдодемократических экспериментов и всей им сопутствующей трепотни. «Оранжевая революция» была классической цветной революцией, цель и технология которой — создать точку перегрева на очень ограниченном пространстве. Это модель охлократии. Организаторы поставили на площади толпу и выдали ее за украинский народ. А украинский народ в массе своей при этом безмолвствовал, вообще не понимая, что происходит. Ему говорили, что это демократия, что жизнь станет лучше, что в Украине будет



как в Европе и даже туалеты засверкают чистотой. «Посмотрите, — говорили на майдане, — какие туалеты в России и какие в Германии!» Ну, люди и подумали, видимо, что немцы к ним поедут туалеты мыть. Помню, Валерий Фадеев по этому поводу сказал: «Раз уж вы за качество туалетов, тогда вступайте в Японию, потому что там лучшие в мире унита-зы с подсветкой, подогревом, анализами и приятной автоматикой. Как же вы об этом не подумали, если так по унитазам умираете?»

Злобин: Кстати, интересно, что в русском стереотипе Япония давно стала частью Запада. Западные страны — Америка, Франция, Германия, Япония... То есть в нашем стереотипе Запад — это где хорошо живет большинство людей, а не некий географический регион...